

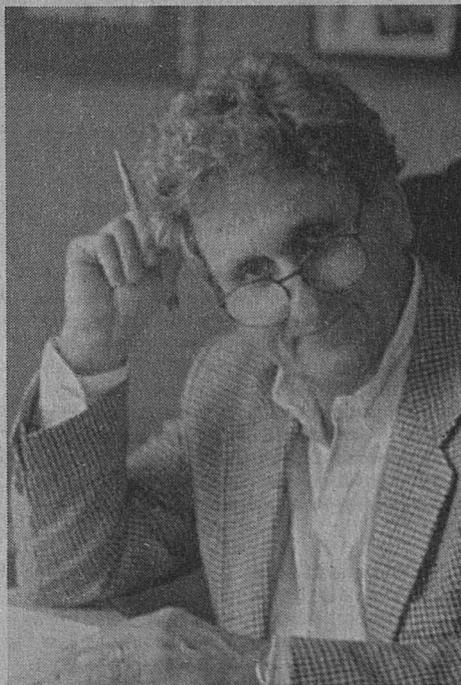
«СКЛОННОСТИ К КАББАЛЕ У МЕНЯ НЕТ»

Авраам Иегошуа — Газете

В Фестивале еврейской книги, прошедшем недавно в рамках Московской книжной ярмарки, участвовал один из крупнейших мастеров современной израильской прозы Авраам Иегошуа. О своих книгах, многие из которых еще не известны в России, писатель рассказал корреспонденту Газеты Кириллу Решетникову.

Русскому читателю доступна пока лишь часть написанного вами. Какие периоды собственного творчества вы могли бы выделить, какие традиции для вас важны?

Первые рассказы я опубликовал во второй половине 50-х, самый первый назывался «Смерть старика». Начинать я в некоем абстрактном, абсурдном стиле, был подвержен влиянию Кафки, а также Агнона — это имя вы знаете, да? Это, что и говорить, наш великий мастер. Литература на иврите — это литература довольно молодая, начало свое она ведет всего лишь с конца девятнадцатого века. Это связано с особенностями самого иврита — он ведь долго был застывшим, письменным языком, а живого разговорного языка не было, и именно литературе иврит во многом обязан своим ренессансом, своим развитием. Поэтому Агнон для нас — это, если хотите, и Толстой, и Достоевский, и Гоголь, и Чехов, он как бы соединяет в себе всех отсутствующих великих писателей. Хотя он писал в двадцатом веке, для нас он выступил в роли классика — в той, которую в других литературах сыграла, скажем, Бальзак, Флобер или Диккенс. Так вот, некоторое время я публиковал рассказы, и я доволен тем, что начинал именно с них, а не сразу с романов. Мне кажется, что нынешние молодые писатели, которые сразу принимают за роман, поступают несколько неправильно по отношению к самим себе. Роман все-таки требует большей зрелости. К тому же создание рассказа — это работа с разными языковыми регистрами, работа более поэтическая, более концентрированная, тогда как в романе язык используется более функционально. После трех томов рассказов появилось несколько пьес, и лишь затем я перешел к роману. В этот период на меня повлиял прежде всего Фолкнер с его множественным монологом, полифонией, сопоставлением разных точек зрения, на которых построены «Шум и ярость», «Когда я умирал», «Свет в августе». Мое письмо стало гораздо более реалистичным и соответственно более привязанным к израильской действительности, путь к пониманию которой я пытался найти через разные углы зрения, разные голоса. От такого способа повествования, при котором доминирует один-единственный голос, я тогда отказался. Так были написаны «Любовник» и «Поздний развод». После этого «фолкнеровского» этапа я вернулся к повествованию в третьем лице и написал книгу, которая в европейских переводах получила название «Пять сезонов» (сейчас она переводится на русский), а также еще несколько ро-

газета

война и труд

Авраам Иегошуа родился в 1936 году в Иерусалиме. После обучения в иерусалимской гимназии «Рехавия» и службы в Армии обороны Израиля участвовал в боевых действиях против арабских террористов и Синайской кампании 1956 года. Окончив Еврейский университет в Иерусалиме и проработав некоторое время в Париже, поселился в Хайфе. Опубликовал множество рассказов, несколько пьес и романов. На русском языке были выпущены его романы «Господин Мане» и «Любовник», а недавно — сборник рассказов и роман «Путешествие на край тысячелетия». В 1970—1980-е годы Иегошуа наряду с Амосом Озом считался самым читаемым писателем Израиля. Много лет занимался политической, принадлежа к левому крылу Партии труда.

манов. У меня очень тесная связь с западной культурой, но в то же время я испытал огромное влияние русской классики. Последняя оказалась очень важна для всей израильской литературы, потому что многие из наших крупнейших писателей и поэтов родом из русской традиции и они же переводили русские классические произведения. По этой причине перевод с русского прямо повлиял на стиль ивритоязычных литературных текстов.

С кинематографистами работали?

Десять моих вещей были экранизированы, четыре из них — «Любовник», например — даже дважды, разными режиссерами в разных странах: в Израиле, Италии, Германии. Не могу сказать, что все экранизации были хороши, но не могу и не отметить, что моя проза очень увлекла кинематографистов. Сейчас пишу сценарий по «Позднему разводу», фильм будет сниматься в Америке. Ранее я сделал по этой книге либретто для израильской оперы — постановка будет осуществлена в мае, автор музыки — композитор Иосиф Бараданашвили, бывший министр культуры Грузии. По книге «Господин Мане» был сделан пятисерийный фильм на израильском телевидении. Это была замечательная работа, но очень сложная ввиду структуры книги. Она состоит из пяти частей, в каждой из которых слово предоставлено только одному из персонажей, и при этом каждая часть, отличаясь от других местом и временем происходящего, начинается в настоящем и ведет нас в прошлое. Это экскурс в историю одной семьи, попытка понять ее — речь идет сначала о самом господине Мане, затем о его отце, деде и так далее.

Есть ли у вас вещи, построенные на чисто историческом материале?

Есть роман «Путешествие на край тысячелетия», посвященный Средневековью, который в прошлом году вышел в России. Его действие происходит в конце первого тысячелетия, когда девятая часть евреев жили в исламском окружении и только десятая — в христианском. Центральное место в книге занимает тема двоеженства. В иудаизме, как и в исламе, разрешена полигамия, но в конце третьего тысячелетия община, жившая на территории Германии, обнародовала постановление, которое предписывало евреям моногамию. На этой почве у «христианской» еврейской общины возник конфликт с южной, «исламской». Вот об этом конфликте в романе и рассказывается.

Недавно вы приняли активное участие в «круглом столе» «Еврейская мистика и мировая культура» в театре «Эрмитаж». Что связывает вас с еврейским мистицизмом?

Никакой специальной склонности к мистицизму, к каббале у меня нет. По-моему, приверженцами еврейской мистики были упущены многие важные вещи. Мне кажется, что сионизм — рациональная вещь, имеющая целью решение еврейских проблем. Для этого нужна нормализация еврейского сознания, которая с мистицизмом согласуется плохо. Я никогда не использовал каббалистические мотивы в своих книгах. В определенный период каббала была популярна, но — во время «круглого стола» я об этом говорил — обращение к ней было способом избежать настоящего религиозного пути, способом игры с религией, если хотите.

Какие у вас впечатления от современной русской литературы?

У нас вышла антология рассказов русских авторов. Я ожидал каких-то удивительных вещей и был, надо сказать, несколько разочарован. Но я читал Венедикта Ерофеева, и его, конечно, не оценить невозможно.